

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

P.G. Wodehouse
RING FOR JEEVES

Перевод с английского *И. М. Бернштейн*

Серийное оформление *Е. Д. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees
of the P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Не позвать ли нам Дживса? : [роман] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [перевод с английского И. М. Бернштейн]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-122757-9

Пока Берти Вустер готовится к потрясениям социальной революции и учится самостоятельно штопать носки, чистить обувь и стелить постель, его верный камердинер отправляется на помощь графу Рочестеру, оказавшемуся в затруднительном положении. Дживс, как и всегда, невозмутим и находчив, но, похоже, в этом запутанном деле ему придется нелегко.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1953
© Перевод. И.М. Бернштейн, наследники, 2017
ISBN 978-5-17-122757-9 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Бармен, на минуточку отлучившийся из-за стойки в пивной «Гусь и Огурчик», чтобы срочно навести по телефону некую справку, возвратился на свое рабочее место, весь сияя, как человек, узнавший, что ему достался крупный выигрыш. Его так и подмывало поделиться с кем-нибудь своей радостью, но в пивной никого не было, только одна женщина сидела за столиком у входа, потягивала джин с тоником и коротала время за чтением книги спиритического содержания. Он решил сообщить замечательную новость ей.

— Может, вам интересно будет узнать, мэм, — обратился он к ней срывающимся от волнения голосом. — Мамаша Уистлера выиграла Дубки.

Посетительница оторвалась от книги и с таким выражением посмотрела на него прекрасными темными глазами, будто он сейчас только материализовался из эктоплазмы.

— Что выиграла? — переспросила она.

— Дубки, мэм.

— А что это?

Бармену представлялось невероятным, чтобы кто-нибудь в Англии мог задать такой вопрос, но он успел вычислить, что эта дама — американка,

а американки, это он уже знал, часто не разбираются в фактах грубой действительности. Он лично был знаком с одной, которая попросила, чтобы ей объяснили, что такое футбольный тотализатор.

— Это ежегодные лошадиные скачки, мэм, исключительно для молодых кобыл, то есть, иначе говоря, они бывают раз в году, и участие мужского пола не допускается. Проходят в Эпсоме накануне Дерби, а уж про Дерби вы, конечно, слышали.

— Да, про Дерби слышала. Это у вас тут самые большие конские состязания, верно?

— Верно, мэм. Их еще иногда называют классическими. А Дубки бывают накануне, хотя в прежние времена их устраивали на следующий день. То есть, я хочу сказать, — пояснил бармен, надеясь быть понятым, — раньше Дубки были после Дерби, но теперь это переменяли.

— И Мамаша Уистлера там всех опередила?

— Да, мэм, на два корпуса. Я поставил пятерку.

— Поняла. Ну что ж, это здорово. Не принесете мне еще один джин с тоником?

— Ну конечно, мэм. Мамаша Уистлера! — отходя, поупоенно повторил бармен. — Моя красавица!

Бармен вышел. А дама снова углубилась в книжку. На «Гуся и Огурчика» снизошла тишина.

По основным показателям это заведение мало чем отличалось от всех остальных питейных точек, гнездящихся вдоль проезжих дорог Англии и не дающих ее населению погибнуть от жажды. Тот же церковный полумрак, те же непеременимые картинки над камином: «Охотничьи собаки задирают оленя» и «Прощание гугенота», те же соль, перец и горчица и бутылочки с острым соусом на столах и тот же тра-

диционный озоновый дух — смесь маринада, мясной похлебки, отварного картофеля и старого сыра.

Единственное, что отличало «Гуся и Огурчика» в этот ясный июньский день и придавало ему особую статью среди всех остальных питейных заведений, было присутствие женщины, с которой говорил бармен. Как правило, в английских придорожных кабаках взору не на чем отдохнуть, кроме разве случайного фермера, поглощающего яичницу, или пары коммивояжеров, развлекающих друг дружку неприличными анекдотами; но «Гусю и Огурчику» посчастливилось заманить к себе на подмогу эту заморскую красавицу, и она сразу подняла его уровень на недостижимую высоту.

Что в этой женщине сразу же бросалось в глаза и исторгало изумленный присвист, так это окружавшая ее аура богатства. О нем говорило в ней все: кольца, шляпка, чулки, туфли, серебристый меховой палантин и безукоризненный парижский костюм спортивного покроя, любовно облегающий выпуклости роскошной фигуры. Вот, сказали бы вы при виде ее, женщина, у которой от презренного металла сундуки ломаются и тик в большом пальце от непрерывной стрижки купонов, а кровожадные пиявки из налогового управления при звуках ее имени по привычке с почтительным приподнятием приподнимают свои грязные шляпы.

И, так сказав, вы бы не ошиблись. Какой богатой она казалась, такой и была на самом деле. Похоронив двух мужей, в обоих случаях — мультимиллионеров, она осталась так прекрасно упакована в финансовом отношении, что лучшего и вообразить невозможно.

Жизнь ее может служить красочной иллюстрацией к романам Х. Элджера, которые повествуют про золушек, превращающихся в герцогинь, и тем поддерживают в молодых сердцах неувядаемые надежды, никогда ведь не знаешь, какая колоссальная удача ждет тебя за ближайшим углом. Урожденная Розалинда Бэнкс из городка Чилликот, что в штате Огайо, не обладала никакими дарами, если не считать миловидного личика, великолепной фигуры и некоторого умения сочинять верлибры; с таким багажом прибыла она в Гринич-Виллидж искать счастье в мире искусства — и преуспела с первой же попытки. На одной вечеринке она привлекла к себе взоры и покорила сердце желтогазетного магната Клифтона Бессемера и оглянуться не успела, как стала его женой.

Овдовев в результате попытки Клифтона Бессемера протаранить на своей машине тяжелый грузовик, вместо того чтобы мирно его объехать, она два года спустя познакомилась в Париже и сочеталась браком с А. Б. Спотсвортом, миллионером — охотником на крупную дичь, и почти сразу же овдовела опять. На этот раз виною было расхождение во взглядах между ним и одним из львов, на которых А. Б. Спотсворт охотился в Кении. Он считал, что лев мертв, а лев считал, что нет. И когда стрелок поставил ногу зверю на горло, позируя перед фотоаппаратом капитана Биггара, знаменитого Белого Охотника, сопровождавшего экспедицию, последовала неприятная шумная ссора, а Белому Охотнику надо было сначала отбросить фотоаппарат, да еще он потратил несколько драгоценных мгновений, пока нашарил ружье, так что его выстрел, меткий,

как всегда, грянул слишком поздно, чтобы принести практическую пользу. Ничего другого не оставалось, как подобрать ключья и переписать огромное состояние миллионера-охотника на имя вдовы, присоединив его к тем приблизительно шестнадцати миллионам, которые она ранее унаследовала от Клифтона Бессемера.

Вот кто такая была миссис Спотсворт, женщина с душой и с сорока двумя миллионами долларов в кубышке. А дабы прояснить еще некоторые мелочи, быть может нуждающиеся в прояснении, заметим, что сейчас она направлялась в Рочестер-Эбби в качестве гостьи девятого графа Рочестера, а в «Гусе и Огурчике» остановилась просто немного отдохнуть и выгулять собачку по кличке Помона. Книгу спиритического содержания она читала потому, что с недавних пор сделалась горячей приверженкой потусторонних изысканий. Модный парижский костюм спортивного покроя на ней был потому, что она любила модные парижские костюмы спортивного покроя. А джин с тоником она пила потому, что такой теплый летний вечер словно нарочно создан для того, чтобы выпить стаканчик джина с тоником.

Бармен принес волшебный напиток и продолжил разговор с того места, где остановился:

— Ставка была тридцать три к одному, мэм.

Миссис Спотсворт подняла на него лучистые глаза:

— Простите?

— С этой цифры она начинала.

— О ком вы говорите?

— О той кобыле, что, вот я рассказывал, выиграла Дубки.

— Ах, так мы опять о ней? — вздохнула миссис Спотсворт. Она читала про чрезвычайно интересные манифестации мира духов, и эти земные разговоры прозвучали для нее неприятным диссонансом.

Бармен почуял отсутствие живого интереса. Ему стало немного обидно. В такой великий день он хотел бы иметь дело лишь с теми, в чьих жилах течет спортивная кровь.

— Вы не увлекаетесь скачками, мэм?

Миссис Спотсворт ответила не сразу.

— Да, пожалуй, не особенно. Мой первый муж был от них без ума, но мне всегда казалось, что это как-то бездуховно... Такие вещи не очень способствуют высшему развитию нашего Я. Случается, я иной раз поставлю тысчонку для забавы, но это мой предел. А глубины моей души они не затрагивают.

— Тысчонку, мэм?

— Ну, тысячу долларов.

— Ух ты! — пробормотал потрясенный бармен. — Вот это я называю прозаложить последнюю рубашку. Хотя для меня это была бы не только рубашка, но и чулки с подвязками в придачу. Повезло букмекерам, что вы сегодня не были на ипподроме и не поставили на Мамашу Уистлера.

Он возвратился за стойку, а миссис Спотсворт снова углубилась в книгу.

Далее на протяжении, наверное, десяти минут в «Гусе и Огурчике» ничего существенного не происходило, только бармен прихлопнул салфеткой муху, а миссис Спотсворт допила джин с тоником. Но вдруг могучая рука распахнула дверь, и в зал решительными шагами вошел крепкий, коренастый, широкоплечий и обветренный мужчина. У него было

очень красное лицо, зоркие небесно-голубые глаза, круглая, с залысынами, голова и прямоугольные усики щеточкой, какие встречаются повсеместно на далеких окраинах Империи. Они в таком изобилии произрастают под носами тех, кто несет бремя белого человека, что напрашивается мысль: не имеется ли у их носителей каких-то монопольных прав? На ум приходят ностальгические строки поэта Кипплинга: «Мне б к востоку от Суэца, где добро и зло — одно, где не ведают Закона...» и человек может выращивать у себя на губе прямоугольные усики щеточкой.

Вероятно, эти усики и придавали вошедшему такой экзотический вид. Из-за них он казался совсем не на месте в английской придорожной пивной. При взгляде на него чувствовалось, что его естественная среда обитания — притон Черного Майка в Паго-Паго, где он был бы, конечно, душою общества, хотя вообще-то почти все время пропадал бы на сафари, сводя счеты с местной фауной, какая ни подвернется под руку. Вот, сказали бы вы, человек, не раз смотревший в глаза носорогу, и тот перед ним беспомощно отворачивал морду.

И опять же, как и тогда, когда вы так глубоко и точно анализировали миссис Спотсворт, вы окажетесь совершенно правы. Этот мужественный воитель джунглей и саванн был не кто иной, как тот самый капитан Биггар, о котором мы уже мельком упоминали выше в связи с прискорбным происшествием, завершившимся кончиной А. Б. Спотсворта, и любой из тех, кто проживает у дороги в Мандалай или проводит время в «Длинном Баре» в Шанхае, подтвердит вам, что «бвана» Биггар в своей жизни

смирил взглядом так много носорогов, что вам такого количества и во сне не увидеть.

Однако в данный момент он думал не столько о наших бессловесных братьях, сколько о том, чтобы выпить чего-нибудь прохладительного. Вечер, как мы уже говорили, был теплый, и капитан проделал долгий путь от Эпсома, откуда выехал немедленно по окончании скачек, известных под названием Дубки, до этой тихой пивной в Саутмолтоншире.

— Пива! — прорычал он, и при звуке его голоса миссис Спотсворт, вскрикнув, уронила книгу, а глаза ее чуть не выскочили из орбит.

И в той ситуации это было вполне естественно, ибо сначала ей показалось, будто она стала свидетельницей одной из тех манифестаций спиритуального мира, про которые она сейчас только читала. У любой женщины глаза из орбит выскочат.

А дело-то все в том, что капитан Биггар, если взглянуть на вещи прямо, был охотник и, следовательно, должен был охотиться. Его место там, где расположены его охотничьи угодья. Встреться он вам в Кении, или в Малайе, или на Борнео, или в Индии, и вы нисколько не удивитесь. «А-а, капитан Биггар, привет-привет, — скажете вы ему. — Как следопытствуете?» А он ответит, что следопытствует нормально. И все в полном порядке.

Но если вы встретите его в английской придорожной пивной, за тысячи миль от естественной области обитания, можно будет вас понять, коль скоро у вас мелькнет подозрение, что это вовсе не живой человек во плоти, а всего лишь призрак, или фантом, завернувший к вам на огонек, как это свойственно призракам и фантомам.

— Иик! — воскликнула миссис Спотсворт, потрясенная до глубины души. С тех пор как она увлеклась потусторонними явлениями, ей часто мечталось увидеть своими глазами настоящее привидение, но для таких вещей нужны соответствующая обстановка и подходящее время суток. Кому охота, чтобы призраки лезли на глаза, когда ты сидишь и пьешь освежительный джин с тоником?

Капитану же Биггару, пока он не услышал голос миссис Спотсворт, она в полутемной пивной казалась просто обыкновенной женщиной, опрокидывающей стаканчик на дорогу. Конечно, он машинально расправил плечи и подкрутил усы, как поступал неизменно в присутствии любой особы женского пола; но кто она такая, он не догадывался. И вот теперь, узнав ее, он весь, с ног до головы, задрожал мелкой дрожью, словно молодой робкий гиппопотам, впервые столкнувшийся нос к носу с великим Белым Охотником.

— Ну, жарьте меня в кипящем масле! — вырвалось у него, и глаза его полезли на лоб. — Миссис Спотсворт! Варите меня в сливовой подливке! Вот уж кого никак не ожидал встретить. Я думал, вы в Америке.

Миссис Спотсворт опомнилась и приняла прежний светский вид.

— Я прилетела на прошлой неделе с визитом, — пояснила она.

— А-а, тогда понятно. А то я очень удивился, увидев вас здесь. Помню, вы говорили, что живете в Калифорнии, или где-то там такое.

— Да, у меня дом в Пасадине. И в Кармеле. И еще один в Нью-Йорке, и еще во Флориде. И еще на севере, в штате Мэн.

— Пять в общей сложности?

— Шесть. Я забыла еще про дом в Орегоне.

— Шесть? — растерянно повторил капитан. —
Что ж, приятно, конечно, иметь крышу над головой.

— Да. Но через какое-то время надоедает. Хочется чего-то нового. Я подумываю купить, может быть, этот дом, куда сейчас еду, Рочестер-Эбби. Я познакомилась в Нью-Йорке с сестрой лорда Рочестера, она возвращалась с Ямайки, и она сказала, что, возможно, ее брат согласится продать. Ну а вы-то что делаете в Англии, капитан? Я, как вас увидела, сначала глазам своим не поверила.

— Да вот, знаете ли, дорогая леди, захотелось взглянуть на родные места. Давно уж не выбирался сюда, все некогда было. Хотя помните пословицу: «Кто с детства много трудится и не веселится, из того вырастет дурак и тупица»? Диву даешься, до чего тут все изменилось с тех пор, как я приезжал последний раз. Нет больше праздных богатеев, если вы меня понимаете, все работают, каждый, так сказать, при деле.

— Да, поразительно! Сестра лорда Рочестера леди Кармойл, рассказала мне, что ее муж, сэръ Родерик Кармойл, заведует секцией в магазине «Харридж». А он десятый баронет или что-то в этом роде. Представляете?

— Трудно себе представить, ваша правда. Толстый Фробишер и Субадар* ни за что не поверят, когда я им расскажу.

— Кто-кто?

---

* Субадар — по-персидски и на хинди означает «начальник».

— Приятели мои в Куала-Лумпуре. Просто рты поразевают от изумления. Но мне лично нравится, — мужественно заключил капитан. — Так и должно быть. Игра прямой битой.

— Как вы сказали?

— Такой спортивный термин, милая леди. Из крикета. В крикете полагается бить прямой битой, а иначе... иначе ты бьешь, прямо скажем, кривой битой, ну, вы меня понимаете.

— Н-наверно. Может быть, вы присядете?

— Благодарю. Только на одну минуту. Я преследую врага рода человеческого.

В том, как держался капитан Биггар, тонкий наблюдатель заметил бы некоторую скованность и приписал бы ее, вернее всего, тому обстоятельству, что при последнем свидании с миссис Спотсворт он собирал и складывал вместе фрагменты тела ее супруга, чтобы их можно было отправить в Найроби. Однако неловкость, испытываемая им, была вызвана вовсе не этим прискорбным воспоминанием. Корни ее уходили гораздо глубже.

Эту женщину он любил. Полюбил ее с первого мгновения, как она вошла в его жизнь. До чего ясно он помнил это событие! Лагерь среди древесных акаций. Каменистый обрыв. Обломки скал в русле горного потока. Старый Симба (лев) ревет в отдалении, старый Тимбо (слон) гуляет в высоких тростниках (бимбо), и тут к лагерю подъезжает в автомобиле А. Б. Спотсворт, а рядом с ним — божественное видение в брюках для верховой езды. «Моя жена», — представил А. Б. Спотсворт и указал рукой на свою спутницу, Клеопатру Египетскую и Елену Троянскую в одном лице, а капитан Биггар, отвечая: «До-

бро пожаловать, мемсагиб, — и произнося вежливое приветствие: — Край йу ти ню ма пай», испытал такое ощущение, будто его прошибло сильным электрическим током. Вот оно! — понял он.

Естественно, в соответствии с законами белого человека он в своей любви и не подумал признаваться, но с той самой поры в его сердце горела ровным пламенем безмолвная жаркая страсть такого калибра, что порой, на досуге, слушая вой гиен и любуясь снегами Килиманджаро, он почти готов был сочинять стихи.

И вот теперь она снова перед ним, и еще прелестнее, чем прежде. Капитану Биггару показалось, будто где-то поблизости бьют в большой барабан. Но это было всего лишь биение его сердца.

Его последняя реплика оставила миссис Спотсворт в недоумении.

— Преследуете врага рода человеческого? — переспросила она.

— Одного мерзавца-букмекера. Подлеца из подлецов с душой черной, как его грязные ногти. Гонюсь за ним уже несколько часов. И почти настиг, — заключил капитан Биггар, мрачно отпив пива, — но тут что-то сломалось в чертовом автомобиле. Сейчас его чинят в гараже по соседству, за углом.

— Но почему вы гонитесь за букмекером? — не поняла миссис Спотсворт. Такое занятие казалось ей совсем не подходящим для настоящего мужчины.

Лицо капитана Биггара потемнело. Своим вопросом она задела обнаженный нерв.

— Жалкий пес подло со мной обошелся. А с виду такой положительный. Усы как у моржа и черная нашлапка на левом глазу. «Честный Паркинс» — на-

звание фирмы. «Ставьте на кого вашей душе угодно, благородный человек, — он говорил. — Кто не играет, тот не выигрывает. Подходите, подходите, — он говорил. — Вразвалку, враскачку, вприпрыжку. Дамам скидка, ставки не возвращаются». Ну, я и поставил у него в двойном.

— В двойном?

— В двойном, дорогая леди, это когда ставишь на лошадь в одной скачке, и если выиграл, то весь выигрыш ставится на другую лошадь в другой скачке.

— А-а, то, что в Америке называется двойной одинар.

— И как вы легко можете прикинуть, если обе лошади приходят первыми, вам достается изрядная сумма. Я по приезде в Лондон сошелся с довольно осведомленными людьми, и они порекомендовали на сегодня надежный дубль: Люси Глиттерс и Мамаша Уистлера.

Второе имя было миссис Спотсворт уже знакомо.

— Здешний официант сказал, что Мамаша Уистлера победила.

— И Люси Глиттерс в предыдущей скачке тоже. Я поставил на нее пятерку, выиграл из ста к шести и все записал на Мамашу Уистлера в Дубках. Она прошла финиш из...

— ...из тридцати трех к одному, по словам бармена. Вот это да! Вы сорвали приличный куш.

Капитан Биггар допил свое пиво. Он допил его, как страждущая душа — если страждущая душа может пить пиво.

— Да, я, безусловно, сорвал бы куш, — подтвердил он, горестно хмуря брови. — Мне причиталась от него колоссальная сумма в три тысячи фунтов два